

12+

ГОТКИДАЧ АЛЕКСЕЙ

ЭХО

ПЕРВЫХ

ЦИКЛ «РУБЕЖ»

Алексей Откидач

Эхо первых

«Издательские решения»

Откидач А.

Эхо первых / А. Откидач — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-699846-9

За орбитой последней планеты начинается Рубеж — пространство, где гаснут сигналы и исчезают корабли. Капитан Алиса Вересковская получает приказ идти туда, где заканчиваются карты и начинается тишина, в которой есть голос. Сделав шаг за грань известного, она сталкивается не с врагом, а с древним присутствием, способным принимать любую форму. Экипаж исчезает, связь обрывается, и Алиса остаётся одна. Теперь её ведёт не приказ, а эхо тех, кто ушёл за Рубеж. Назад дороги больше нет.

ISBN 978-5-00-699846-9

© Откидач А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Эхо первых

Алексей Откидач

Редактор Анна Томпсон

Корректор Мария Пугачева

© Алексей Откидач, 2026

ISBN 978-5-0069-9846-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

«И сказал Бог: да будет свет. И стал свет.»

— Бытие 1:3

Я всегда просыпаюсь до сигнала. Пять двадцать по марсианскому времени. Здесь нет рассветов — просто постепенно становится светлее, как если бы кто-то увеличивал мощность лампы в пустоте.

В иллюминаторе — туманная красная пыль; марсианская буря дышит медленно и глубоко, как живое существо. Воздух сухой, чуть пахнет металлом и фильтрами. Пол холодный, от него зябнут стопы даже через армейские носки. Станция «Аргус-7» всегда была слишком чистой. Чистота — это не порядок, это пустота.

Свет включаю вручную. Белый, ровный, стерильный. Такой свет включают в моргах и лабораториях — там, где ошибаться нельзя.

Слева на стенде висит мой скафандр — класс «Каравелла-4». Матово-белый, с серебристыми пластинами и едва заметной патиной на швах. На груди — золотая вязь и эмблема Колониального флота Альянса: две пересекающиеся орбиты, вписанные в круг Солнца. В центре — стилизованный компас, стрелка которого указывает не на север, а на пустоту. Под ним выгравировано латиницей: *Ad Astra per Constantiam* — «К звездам через постоянство». На левой груди — шеврон с моими инициалами: А. Vereskovskaya. Это все, что форма позволяет оставить от себя.

Стою перед зеркалом и смотрю на свое отражение, как на чужое. Светлые волосы длиной до плеч, прямые, немного спутанные после сна. Из-под них выбивается тонкая неоновоголубая прядь — едва заметная, как отблеск электросварки. Когда-то это было вызовом. Теперь — просто отметка, как шрам, который не болит, но напоминает.

На мне — бело-серебристая парадная офицерская форма исследовательского флота. Материал обтягивает фигуру, но не для эстетики — чтобы датчики телеметрии считывали пульс и давление. Крой строгий, почти классический. Он напоминает традиционные мундиры не по дизайну, а по осанке, которую требует. Через талию — черный ремень из натуральной кожи. В Альянсе таких почти не осталось: синтетика дешевле, легче, безопаснее. Но среди астронавтов, родом с российских баз, кожаные ремни — знак традиции. Напоминание о том, что космос покоряли руками, а не машинами.

На боку — офицерский кортик. Клинок старорежимного стандарта: тяжелая закаленная сталь, изящная гравировка на рукояти и крошечный рубин у основания. Такой кортик — высшая награда исследовательского флота. Его вручают только тем, чьи миссии принесли результаты, позволившие спасти жизни других. Не за победу. Не за героизм. За знания, которые отодвинули смерть.

Я достаю его из ножен. Лезвие ровное, блестящее, чуть затененное у кромки. Не оружие — символ. Металл звенит, как струна, если провести пальцем. Этот звук я запомнила навсегда. Возвращаю клинок в ножны. Щелчок замка — короткий, металлический, почти безэмоциональный.

На стене светится панель расписания:

08:10 — сбор экипажа.

10:30 — доковый выход.

11:45 — старт миссии «Гелиос-Рубеж-9».

Снаружи слышится гул базы — это системы жизнеобеспечения входят в режим подогрева. Пульс вибрации ощущается через пол, будто станция дышит.

На столе — прозрачная колба с марсианским песком. Я никогда ее не убирала. Это образец с поверхности возле первого реактора «Тихо-7», где погиб мой отец.

Я помню то время, когда он еще уходил и возвращался с дежурств. Мир колоний был уже не новым, но еще не стал обыденностью. На Земле, за голубым свечением экранов, все еще тлели руины — купольные города, выросшие на развалинах, пораженных катаклизмами и той самой войной, что раскрошила часть западного континента. Но для меня это был мир детских радостей. Будущее казалось светлой пеленой взросления: школа, мечты о космосе... Мечта стать первой девушкой, которая приблизится к познанию его тайн за пределами нашей галактики.

Он был пилотом. Генералом колониального флота. И любил повторять, беря в ладони горсть марсианского реголита: «Не знаешь, где ты — коснись пыли под ногами. Она скажет правду.» Я касаюсь стекла колбы. Оно холодное. Холодное, как его последнее объятие.

Над дверью загорается зеленый индикатор — вызов на брифинг. Выдыхаю, выключаю свет и выхожу.

Коридор тянется длинной трубой, лампы мигают ритмично, как сердце станции. В лифте тихо, гравитационные компенсаторы работают безукоризненно. На секунду кажется, что падаешь в бездну.

Когда двери открываются, передо мной ангар. Воздух пахнет озоном и металлом. Вибрация пола передается в ноги — гул сварки, шорох кабелей, сухие команды техников. Над головами клубится голубоватый пар, прожектора бьют с верхних балок, освещая центральную платформу. На ней — корабль, созданный специально для этой миссии.

Длинный, как стрела. Почти сто шестьдесят метров в корпусе и сорок по размаху маршевых стабилизаторов. Черный, как вакуум, но при свете прожекторов отражает все вокруг ртутным блеском, будто металл не твердый, а живой. Обшивка из композитного слоя — кераллон с углеродной прослойкой. На поверхности нет ни швов, ни заклепок: цельная структура, собранная магнитно-индукционным способом.

По бокам — два маршевых крыла-стабилизатора, на которых установлены четыре основных двигателя предыдущей серии, углеродно-водородного типа. Это наследие земных реактивных систем: в атмосфере Марса они используются для выравнивания вектора перед стартом. Топливо стабильно, предсказуемо и пахнет так же, как когда-то пахло топливо земных аппаратов, покорявших космос.

Я перехожу ангар, и мой взгляд скользит выше. Внутри, уже за пределами атмосферы, корабль переходит на магнитно-импульсную тягу. Массивные кольца вдоль корпуса генерируют короткие импульсы поля, толкающие судно вперед почти неслышными рывками. Это не реактивное движение, а давление на пространство. Тишина, в которой корабль скользит, будто вода его несет.

На верхней палубе — две вращающиеся турели с рельсовыми орудиями. Ни для войны — для защиты. Против метеороидов, обломков, и всего, что можно классифицировать как «неопознанную угрозу». Под брюхом корпуса — четыре пусковых блока микроспутников, которые могут превращаться в разведывательные дроны. И еще ниже, у килевой линии, — антенна связи дальнего диапазона, больше похожая на меч. Она тянется почти на треть корпуса — тонкая, как жила, заканчивается трехлучевой решеткой.

Я стою и смотрю на него долго. Это не просто машина. Он создан для перелетов, которые длятся дольше человеческой памяти, для путей, которые еще не стали маршрутами. Такой корабль не совершает полетов — он прокладывает тропы в вечности.

По уставу право назвать корабль всегда принадлежит первому его командиру. Пока имя не присвоено, судно считается «нулевым» — оно не внесено в архив, не числится в реестрах. Оно просто — «единица». Мертвая, пока её не назовут.

Я провожу пальцем по металлической табличке у основания трапа — безымянная. Просто заводской код: LR-09. Под пальцами металл чуть вибрирует — словно корабль затаился перед броском. Тишина — не пустота. Это просто момент перед началом.

Под ногами — рельсовая дорожка для погрузчиков, по ней едет платформа с ящиками инструментов. Воздух чуть вибрирует. Металлическое эхо перекачивается под куполом, и каждая фраза, каждая команда техников будто повторяется глухим отражением где-то наверху.

Я иду к лестнице, ведущей на второй уровень. Слева и справа — ярусы технических секций, застекленные отсеки с наблюдательными площадками. На втором уровне, прямо над главной палубой, расположен зал брифинга. Перила холодные, отполированные руками тысяч людей, служивших здесь до меня. Сверху ангар выглядит как сердце станции — огромное, темное, с рассыпанными огнями. По краям — ряды малых кораблей: истребители поддержки, маневровые дроны, ремонтные челноки. Они стоят в ожидании — будто сдерживают силу, готовую вырваться.

Впереди — массивные стеклянные двери с гравировкой программы: ГЕЛИОС — РУБЕЖ. Датчики распознают меня, створки расходятся бесшумно.

Зал брифинга — пространство темных тонов, почти камерное, без привычной для базы белизны. Чувство такое, будто попал в один из древних земных кораблей — грубых, шумных, но настоящих. Пол и панели стен из темного композита, а в центре — треугольный стол из дуба. Настоящего дуба. Эту породу выращивали в одной из термокамер на Земле специально для памятных объектов.

База — возрастная, потрепанная временем. Построена почти двести лет назад, еще при формировании первых колоний на Марсе. Ее первый проект курировал прапрадед моего отца — генерал Михаил Вересковский, один из офицеров программы «Астра-Инициатива». По архивам, он отвечал за создание первых систем искусственной гравитации и теплоизоляционных куполов. Эта база была частью его проекта. Потом ее модернизировали десятки раз, но в основании, под слоями новых конструкций, до сих пор лежат балки с клеймами первых инженеров. На некоторых из них сохранилась выгравированная фамилия Vereskovsky. Каждый раз, когда я прохожу по центральному коридору, мне кажется, что металл там звучит иначе — глубже, тяжелее. Как будто память фамилии уходит в саму структуру станции.

За моими плечами — огромное окно, отделяющее зал от ангара. Сквозь стекло виден мой корабль. Черный, будто фрагмент темной материи, застыл в форме. Он будто слушает.

По двум сторонам треугольного стола сидят младшие офицеры, напротив — командиры и кураторы подразделений. Я прохожу мимо. Кто-то встает, кто-то кивает — коротко, без слов. Здесь не приветствуют, здесь признают.

В центре стола — визуализатор. Сейчас он выключен, но тонкие линии на его корпусе мерцают, как под кожей живого организма. На стене напротив — стеллаж с бумажными книгами. Настоящими. Это личная инициатива основателей базы. Говорят, эти книги привезли с Земли, когда она еще была центром всего. К ним никто не прикасается, но никто и не убирает. Святыня ушедшей эпохи.

Я подхожу к столу, ставлю планшет. Вижу свое отражение в темной полировке дуба. Отражение без эмоций.

«Капитан Вересковская, миссия Рубеж-9, — произносит кто-то из старших офицеров, — отчет по готовности корабля и экипажа?»

— Девяносто шесть процентов. Системы стабильны, маршевые блоки выровнены. Последние корректировки — по импульсному приводу. Инженеры обещают синхронизацию в течение суток.

Визуализатор оживает мягким светом, и в воздухе появляется схема Солнечной системы: вращающиеся орбиты, коды станций, обозначение нашего курса. Тонкая красная траектория уходит за пределы орбиты Нептуна — туда, где картография уже молчит.

— Рубеж, — бросает кто-то из инженерных кураторов.

— Предположительно. Пока это просто координата.

Слово зависает в воздухе. Рубеж. Мы молчим, но каждый чувствует — это не просто точка на карте где-то за Поясом Койпера, на самой кромке системы. «Космический Бермудский треугольник», — проносится у меня в голове. Все знают историю программы: дроны и беспилотники теряли связь за несколько часов до расчетной точки. Сыпались системные ошибки, искажались сигналы, а затем — тишина. Они просто пропадали, будто пространство там перестает подчиняться законам. Ни один искусственный разведчик не долетел и не передал, что же там, за чертой. Где-то за стеклом корпус корабля вибрирует едва уловимым низким тоном — не работа двигателей, а будто сама среда вокруг сгущается и напрягается, реагируя на запуск в эту самую неизвестность, где отказала вся наша техника.

Двери у меня за спиной расходятся. В зал входит генерал Константин Аркадьевич Рубанов. Шаг уверенный, тяжелый — как у человека, который никогда не сомневается в векторе. Высокий. Седой. Узкий шрам пересекает левую щеку. На нем форма ранних колониальных корпусов — не новая, не парадная. Потертая — и потому подлинная. За ним следуют два адъютанта и представитель научного совета. Все поднимаются. Рубанов жестом просит сесть. Он подходит к столу и кладет ладони на темную полировку, будто на корпус старинного корабля. Пауза. Тишина. Только гул визуализатора.

— Капитан Вересковская, — кивает он мне. — Рад видеть.

— Взаимно, генерал.

Он переводит взгляд на изображение. Голограмма меняется — расширяется, перестраивается, подчеркивая дальние орбиты. Красная линия уходит все дальше — за пределы известного. Туда, где по приборам — пустота.

— До сих пор никто туда не долетал. Все дроны, все беспилотники — теряли связь через шесть, максимум восемь часов после пересечения орбиты. Технически пространство за Нептуном пусто. Физически — нет.

Он делает паузу. Взгляд поднимается на меня — холодный, но живой.

— Мы не знаем, что там. Сигналы искажаются, энергия падает, частоты уходят в шум. Именно поэтому создан этот корабль. Новая генерация. Магнитно-импульсная тяга повышенной плотности. Он способен держать давление поля дольше любого предыдущего судна.

— И вы хотите, чтобы я пересекла границу? — уточняю я.

Генерал чуть улыбается.

— Я не хочу. Альянс хочет. Но если бы я мог выбрать — выбрал бы вас все равно.

Он опускает взгляд на панель, пальцем проводит по линии курса.

— Ваш род уже вписан в историю этой базы. Вересковские стояли у истоков «Аргуса», когда он был просто бетонным куполом и двадцатью инженерами. Ваш отец, капитан первого уровня, погиб, защищая эту станцию от разрушения. Теперь вы летите узнать, что за пределом того, что он защищал.

Никто не двигается. Я чувствую, как голограмма отражается на лицах — красные орбиты, линии света бегут по скулам и глазницам, как на фотографиях с затмением.

Генерал продолжает:

— Маршрут ясен. До орбиты Нептуна — восемь дней. На всем пути — выброс маячков-связников. «Хлебные крошки», как их прозвали инженеры. Каждый спутник автономен, передает данные на предыдущий, создавая прямой канал между вами и станцией. Если что-то пойдет не так — канал замкнется, и сигнал прекратится. Если все сложится в нашу пользу, вы можете стать первыми, кто подойдет к Рубежу — и, возможно, первыми, кто увидит, что скрывается за ним.

Он смотрит в окно, на корабль за стеклом. Свет прожекторов ложится на его лицо.

— Эта миссия не войдет в отчеты. Пока вы не вернетесь, официально ее не существует.

Я киваю.

— Поняла.

— Отлично. Тогда готовьтесь. Завтра в одиннадцать — вывод на опорную орбиту, финальная синхронизация всех систем. Как только телеметрия подтвердит готовность, вы получите итоговый пакет данных с маршрутом. Старт к первой контрольной точке — через сорок пять минут. Целиком на вас.

Он разворачивается, делает шаг к выходу, потом останавливается.

— Алиса, — говорит он уже без звания.

Я поднимаю взгляд.

— Ваш отец говорил: Вересковские летят туда, откуда никто не вернулся — не ради славы, а чтобы у кого-то после них был путь обратно.

— Значит, придется подтвердить традицию.

Рубанов тихо усмехается.

— Не сомневаюсь.

Он уходит. Двери закрываются, звук шагов растворяется. В зале снова тишина. Визуализатор медленно гаснет, и только за стеклом, в ангаре, в полумраке блестит корпус корабля. Он кажется неподвижным, но я знаю — он уже ждет.

Иногда тишина — это не ожидание. Это согласие.

Я поднимаюсь. Звук стула кажется слишком громким для этого зала. Я подхожу к стеклу — и на секунду замираю. Передо мной — не просто техника. Черный силуэт, собранный из решений, риска и чужих жизней. Проекторы движутся по поверхности, будто проверяя, готов ли он к тому, что ждет впереди. И от этой тишины хочется дышать медленнее.

За спиной слышны движения — офицеры встают. Чьи-то шаги выделяются из общего шума: тяжеловатые, с характерным поскрипыванием подошв утилитарных ботинок. Это мог быть только один человек.

Старший инженер-лейтенант Кузьмин делает шаг ближе. Невысокий, коренастый, с жилистыми руками механика и спокойным, уставшим взглядом человека, который привык слушать не людей, а гул реакторов и скрежет металла. На его кителе, поверх шеврона, — нашивка с кодом «G-7»: допуск только к стационарным объектам. Сердце. По иронии судьбы, лучший инженер базы может провести в мир последний корабль, но никогда не ступит на его борт после отчаливания. Жаль. В моем экипаже такие руки и такая преданность железу были бы бесценны.

— Капитан, — тихо говорит он, — прикажете начинать подготовку?

— Начинайте, — отвечаю. Голос звучит ровно, будто сама станция говорит. — Проверить все системы. Маршевые, импульсные, стабилизаторы. Синхронизировать топливные блоки и перезапустить диагностику навигационного ядра. Если вылет в шесть — в четыре я на мостике. Доклад о готовности — лично.

— Есть, капитан.

Он уже собирается отойти, но потом останавливается. Секунда тишины.

— Капитан... — голос чуть неуверенный, — без внесенного имени система не позволит вывести судно в активный статус. Нам необходимо добавить название корабля в реестр.

Я стою у стекла и смотрю на корабль. Свет медленно скользит по корпусу, и он кажется живым — не техникой, а силой, которая ждет. Имя. Оно должно быть не про металл, не про миссию — про смысл.

Я молчу. Пальцы касаются холодного стекла, и в голове всплывают обрывки воспоминаний. Марс. Курсы Академии. Первая миссия на «Тристане». И книги. Толстые, бумажные, с пожелтевшими страницами — те, что читала ночами перед экзаменами. Одна из них — древняя земная сага. О драконах. О людях, которые верили, что могут управлять ими. Автор так и не закончил ее. Книги оборвались, остался только сериал, снятый когда-то на Земле. Уже

слишком старый, чтобы восхищать визуально, но слишком честный, чтобы его забыли. Финал там не любили. Но он все же существовал — единственный, что дошел до нас.

Иногда я думаю: может, в этом и есть смысл. Никто не хочет конца — но кто-то обязан довести историю до последней строки.

Дракон... зеленый, гордый, непокоренный. Тот, кто летал, когда остальные падали. Да. Так будет правильно.

— Запишите, — говорю я, не оборачиваясь. — «Рейгаль».

— Как записать, капитан?

— Rhaegal. Как писали на Земле, латиницей.

— Есть. Вношу в реестр.

Кузьмин уходит. Слышу его шаги — размеренные, металлические. Потом тишина.

Я все еще смотрю на корабль. Теперь он уже не просто конструкция. Теперь у него есть имя. А у меня — причина вылететь.

Иногда достаточно назвать вещь по имени, чтобы она ожила.

Глава 2

«И послал Он ветры, приносящие добрую весть...»

— Коран, сура 30, аят 46

На базах всегда тихо перед стартом. Даже воздух другой — плотный, будто станция задерживает дыхание вместе с людьми. Система жизнеобеспечения уходит в ночной режим: гул вентиляторов становится тише, свет в коридорах гаснет до тонких голубых линий под потолком. Каждый звук обретает значение — шаг, скрип металла, шелест бумаги.

Я расположилась в столовой. Здесь тишина была почти собеседником — лишь слабое эхо сопровождало каждый мой шаг. У дальних столов сидела пара офицеров; их присутствие напоминало фоновые тени. Они ели сосредоточенно, молча, будто каждая минута была заранее распланирована. Чуть поодаль кто-то торопливо доедал порцию, не поднимая взгляда — просто фиксировал калории, а не ужин. На подогревателе стоял чайник, и из носика поднималась тонкая, ровная струя пара, исчезающая в воздухе. Пахло пылью, железом и чем-то еще — тем, что невозможно назвать. Ожиданием, наверное.

Я держала в руках металлическую кружку, пальцы касались ободка, чувствуя тепло. Тепло — последнее, что остается человеческим, когда вокруг металл и вакуум.

На стене висели часы. Земные. Механические. Тонкие стрелки, поцарапанный циферблат и почти незаметная трещина возле отметки «3». Они слегка отставали от цифровых таблиц — на пару секунд, не больше. Но важные моменты сверяли именно по ним: привычка, перешедшая в правило. Три часа ночи. По земному времени.

На базе давно установлено правило: все основные операции — вылеты, стыковки, расчеты — ведутся по земным суткам. Двадцать четыре часа. Ровно. Так было вначале — в эпоху первых колоний, когда люди еще боялись потерять синхронность с Землей. Так привычнее. Так проще представить, что родная планета все еще недалеко, просто за горизонтом связи.

У боевых расчетов — другой отсчет. Марсианские сутки длиннее: двадцать четыре часа, тридцать девять минут и тридцать пять секунд. Здесь каждый день растягивается — разговоры, сон, ожидание. База живет в вязком времени: просыпаешься, а предыдущий день еще не успел закончиться; уходишь на дежурство — и он все еще продолжается.

Я смотрела на стрелки. Они двигались медленно, словно сопротивлялись движению вперед. Иногда казалось: если они остановятся — остановится все. Двигатели, станции, планеты, дыхание. Часы никто не ремонтирует. Говорят, они стояли еще на первой базе — до создания Альянса. Говорят, их не заводят вручную: механизм питается вибрациями станции, ловя ритм металла и конструкции. Может быть, так и есть.

Я сделала глоток чая. Он остыл, но я все равно пила — просто чтобы не сидеть без движения. В столовой стояла почти осязаемая тишина. Лишь за окном едва слышно шуршал ветер, скользя по внешним куполам станции. Марс не любит громких звуков: даже яростные бури здесь откликаются приглушенным рокотом — словно пыль оседает в вату.

На столе рядом лежал планшет. Я открыла архив Академии. Фотография выпускного курса: тридцать два человека, такие молодые, с одинаковыми лицами и одинаковыми взглядами. Смех. Громкие разговоры. Где-то в центре — я. Короткие волосы, чуть светлее, чем сейчас, и та самая голубая прядь спереди — еще яркая, не потерявшая блеск. Взгляд прямой, уверенный. Почти дерзкий.

Академия. Город-купол на орбите Марса. Здесь учили летать тех, кто мечтал не возвращаться. Пилотирование изучали все — порядок такой. Офицер обязан уметь держать корабль в воздухе, вывести его из штопора и посадить, даже если вокруг хаос. Сначала — управление. Потом — наука.

В памяти навсегда остался мой первый полет. «Ястреб-М2» — небольшой, но упрямый, будто дикий зверь, которому не терпится вырваться. Вибрация маршевого двигателя прошла через все тело; казалось, металл под руками оживает, дышит, узнает меня. И когда он наконец оторвался от платформы — все исчезло. Звуки, свет, люди вокруг — мир стал пустым и черным, как космос, в который мы рвались. Оставались только пульс, шум крови в ушах и гул машины, ставший моим вторым сердцем.

Потом были вылеты. Дежурства, сопровождения, первые исследовательские миссии. Пыльные, длинные, без права на ошибку. Я научилась одному — точности. Не смелости, не силе — именно точности. От нее зависит все: жизнь экипажа, маршрут, итог любой миссии.

Кружка отправилась на стол. Тишина сгущалась, будто воздух становился тяжелее. В углу тихо журчал фильтр воды. Свет на потолке мигал лениво.

На дальней стене тянулась низкая полка с книгами. Бумажные — те же упрямые свидетели прошлого, что и в зале брифингов. Здесь они смотрелись еще чужероднее среди подогревателей, подносов и пустых столов. Их больше не печатали: бумагу берегли под чертежи и техдокументацию. Говорили, часть этих томов когда-то привезли с Земли, еще в те времена, когда она была центром всего. Теперь они стояли здесь не ради чтения, а как напоминание о мире, который остался далеко позади.

Я подошла ближе. Пыль тонким слоем лежала на переплетах. Пальцы коснулись корешка, и буквы проступили под светом: «Марсианские хроники. Рэй Брэдбери.» Невольная улыбка. Почти насмешливая. Писатель с Земли, придумавший колонии на Марсе, так и не увидел ни одного запуска — и все же его книга стояла здесь, в сердце действующей базы, на настоящем Марсе.

Разворот на случайной странице. Запах бумаги и времени — словно кто-то оставил в ней дыхание прошлого. Строка на белом фоне: *«Мы всегда оставляем на планетах следы. Даже когда думаем, что просто идем мимо.»*

Книга мягко закрылась. Улыбка исчезла. Иногда возникала мысль: мы — тоже чья-то хроника. Просто автор пока молчит. Том вернулся на полку.

Взгляд — на часы. Три тридцать. По-прежнему по земному времени. Земля, которой больше нет, все еще диктовала ритм тем, кто продолжал двигаться дальше. Наверное, так и выглядела вечность: не когда живешь бесконечно, а когда тебя продолжают измерять.

Планшет снова оказался в руках. Отчет по миссии просматривался автоматически, как давно выученная процедура. Системы готовы. Корабль готов. Осталось подготовить себя. И тут, прежде чем отложить устройство, я машинально открыла лог реактора «Рейгаля» за последние сутки. Все в норме: температура, давление, выход энергии. Но в самом низу, среди тысяч строк технических данных, глаз цеплялся за запись, помеченную автоматическим фильтром как «Незначительное отклонение». > 02:17:03 ST. Импульсный блок №4. Кратковременный скачок квантовой когерентности в системе стабилизации. Длительность: 0.003 сек. Амплитуда: на 0.07% выше фонового шума. Источник не идентифицирован. Сброшено системой саморегулирования. Скачок когерентности. Микроскопический. Такое могло произойти от флуктуации энергии станции или случайного резонанса. Инженеры, наверняка, даже не стали бы это комментировать. Но мой отец, инженер до мозга костей, говорил: «Не бывает „незначительных“ отклонений в системе, которая должна работать идеально. Бывают зерна будущих катастроф». «Паранойя», — отрезала я себе мысленно, стирая уведомление. Но крошечная заноза беспокойства уже вошла под кожу. Сон все равно не придет — перед стартом никто не спит. Сон — роскошь для тех, кто остается.

Я вышла в коридор. Он был пуст. Воздух стал холоднее — ночью станция всегда остывала, и металл стен будто сокращался, собирая себя ближе к сердцу конструкции. Шаги звучали глухо и ровно — будто станция отвечала каждым ударом пола: я здесь, я жду, идем.

Станция — сеть куполов, соединенных переходами. Достаточно большая, чтобы в ней можно было заблудиться, и достаточно компактная, чтобы все еще ощущать ее как единое целое. Ночью переходы светились над песчаной пустыней мягкими линиями огней. Я шла по тоннелю. Шаги отдавались мягким эхом. За стеклом переливался марсианский песок — тихо, без спешки, как часы, которые не торопятся.

Остановилась ближе к стене. Приложила ладонь к холодной поверхности бронестекла. Металл под пальцами отдавал вибрацией — почти незаметной, но достаточно ощутимой, чтобы понять: станция не спит. Здесь ночь не скрывала мир. Свет от куполов цеплялся за пыль в воздухе, и Марс оставался видимым даже в три часа ночи — будто планета не умела быть темной. Не красный, как на ранних снимках, а блеклый, пыльно-оранжевый, затянутый прозрачным туманом. Ветер почти не был слышен, но было видно, как он движет песок, рисуя спирали. Мир за стеклом казался нереальным. Так мало звуков, так много пустоты.

Я уже почти дошла до поворота в жилой сектор, когда из бокового технического прохода вынырнула фигура в летной куртке. Высокий, по-прежнему умеющий держать спину, но во взгляде появилась та самая надменная усталость, которую он к двадцати пяти годам уже освоил в совершенстве. Марк Уваров. Старший лейтенант, командир звена истребителей «Стрижей».

— Вересковская, — произнес он, и в его голосе не было ни удивления, ни радости. Просто констатация. Как будто встретил некую техническую единицу.

— Уваров, — кивнула я, не останавливаясь.

Он сделал шаг, перекрыв путь не физически, а самым своим присутствием. — Слышал, тебе доверили корабль. Капитан дальнего плавания. Поздравляю.

В его голосе не было и намек на радость. Только холодная, знакомая до тошноты насмешка. Та самая, что звучала в стенах Академии после того, как он использовал наши отношения, чтобы получить доступ к моим расчетам для конкурсного проекта, а потом представил их как свои.

— Спасибо, — ответила я ровно, глядя куда-то за его плечо. — Дежурство?

— Полетал немного. Проверял границы периметра. — Он усмехнулся. — Кому-то ведь надо охранять покой будущих покорителей Рубежа, пока они... размышляют о вечном. Он выдержал паузу, изучая мое лицо. — До сих пор не верится, что это именно ты. Та, которая плакала над проваленным симулятором стыковки.

Я почувствовала, как внутри что-то холодное и острое вонзается в самое подреберье. Не боль, а ярость. Тихая, выдержанная, годами копившаяся. — Я не плакала, Уваров. Я тогда пересчитала алгоритм за ночь и сдала его на пять баллов выше твоего. А плакала, кажется, твоя тогдашняя пассия, когда узнала про нас. Или это были слезы облегчения?

Он отшатнулся, будто его ударили. Надменность сползла с его лица, обнажив злобу. Хорошо. Пусть видит не капитана, а ту самую девчонку, которую он считал простушкой. — Ох, как пробило, — прошипел он. — Думаешь, капитанский шеврон — это индульгенция? Летишь в одну сторону, Алиса. Как и твой старик. Говорят, он тоже был слишком самоуверен. И посмотри, чем это кончилось.

Воздух между нами стал ледяным и густым, будто в вакууме. Моя рука непроизвольно сжалась в кулак. В ушах застучала кровь. Я сделала шаг вперед, и он инстинктивно отступил к стене. — Кончилось тем, — сказала я тихо, четко выговаривая каждое слово, — что его имя на памятной доске в этом же коридоре. А твое — в списках пилотов, чья самая дальняя миссия — долететь до Фобоса и вернуться назад к ужину. Теперь проходи. У меня есть дела поважнее, чем вспоминать академический мусор.

Я обошла его, не удостоив больше взглядом. Спину держала прямо. Шагала ровно. Только пальцы, спрятанные в карманах, дрожали от выброса адреналина. И почти наткнулась на стоявшую в тени у развилки коридоров Арину Лапину — моего первого пилота. Она наблю-

дала за всей сценой, опершись о косяк, с кружкой в руках. На ее лице играла легкая, понимающая улыбка.

— Не спите, капитан? — мягко спросила она.

— Как видишь, Лапина. А ты?

— Чай пью. И наблюдаю за... ночной жизнью станции. Бывает познавательно. — Она сделала глоток, ее глаза блеснули. — Завтра в шесть, я помню. Уже почти завтра.

Я кивнула, чувствуя, как нелепая дрожь в пальцах понемногу уходит. Лапина была своим человеком. Она видела и поняла. — До мостика, — сказала я уже спокойнее.

— Удачи, капитан. Я следом.

В конце тоннеля уже проступал купол ангара — свет внутри мерцал холодным голубым оттенком. Где-то в глубине стоял «Рейгаль». Здесь все было тише. Вентиляция гудела ровнее, свет мягче. Станция будто старалась не мешать тем, кто спит.

Я шла по своему коридору, подсвеченному пульсирующими красными линиями. Воздух пах озоном и чем-то едва уловимым — то ли пылью, то ли металлом после сварки. Моя каюта — пятая от конца.

— Алиса, доброго вечера, — сообщил станционный ИИ ровным голосом.

— Ночь, — сказала я ровно. — Давно уже.

Дверь отъехала в сторону. Комната чуть больше капсулы — три с половиной шага в ширину и около шести в длину. Здесь все было рассчитано на необходимость, а не на комфорт. Над столом висел голографический экран, на небольшой полке стояли три книги и металлическая фигурка корабля.

Фигурку мне подарили на выпуске из Академии — модель моего первого истребителя. На корпусе до сих пор была видна тонкая царапина. Я оставила ее специально — такая же была на настоящем борту. Ту отметину я получила на первом самостоятельном полете. Инструктор сказал, что это — цена за самоуверенность, которая идет впереди опыта. На модели я повторила линию точно — чтобы помнить, с чего всё началось. Иногда мне казалось, что эта царапина напоминала куда больше, чем сама модель.

После душа я надела регламентный ночной комплект — темный, почти черный, из термоткани. Форма для сна — но все равно форма. Дисциплина оставалась даже там, где никто не смотрел. Слишком давно служила, чтобы расслабляться даже на ночь.

Подошла к столу. Над поверхностью мерцал экран, уведомление мигало тихо: «Подготовка к миссии: 98%.» Оставались мелочи. Но в них — все. Я выключила экран и посмотрела на модель истребителя. Металл отражал свет. Пальцем коснулась кромки крыла. Когда-то мне казалось, что это и есть предел мечты — летать быстро, точно, красиво. Теперь я лечу не ради скорости. Теперь я лечу ради понимания.

Я легла в кровать. Термокомплект подстроился под тело — тепло распределялось равномерно, будто кто-то аккуратно поправил одеяло. Свет над головой был тихий и ровный, похожий на искусственное ночное небо. Марс спал. Станция дышала. А я — просто ждала.

Минуты шли, но я их не считала. В этой тишине время не текло — оно стояло, как вода в невесомости. И в этом ожидании память сама вынырнула. Издалека. Из детства.

Перед глазами встал экран моего личного терминала трехлетней давности. Вскрытый архив сервисных логов флота, доступ к которым мне, тогда старшему лейтенанту, не полагался. Данные космического модуля моего отца, «СКБ-11 „Стрела“».

Официальная версия была выгравирована на памятной доске: «Генерал Михаил Вересковский героически погиб при внезапной детонации экспериментального реактора „Тихо-7“ во время плановой инспекции». Закрытое дело. Государственные похороны.

Но логи «Стрелы» рассказывали другую историю. В день гибели он не покидал околомарсианской орбиты. Его последняя зафиксированная телеметрия показывала штатный полет над равниной Утопия, за сотни километров от «Тихо-7». А через два часа после этого — рез-

кий, ничем необоснованный скачок в архивном коде. Следующая запись была уже через шесть часов: «Катастрофа. Останков не обнаружено. Миссия „Тихо-7“ признана неудачной».

Между этими записями лежала цифровая пропасть. Шесть часов тишины, в которые можно было долететь до Юпитера. И метка в скрытом поле файла, которую я едва разглядела: «Связано: „Граница-1“. Совершенно секретно».

«Граница-1». Призрак в реестрах флота. Первый, пропавший без вести корабль, который, по слухам, пытался достичь Рубежа за десять лет до нас. Отец интересовался его историей, собирал обрывки данных. Он говорил, что в официальной истории покорения космоса слишком много белых пятен, которые похожи на аккуратные заклеенные дыры. Что некоторые миссии прошлого века, списанные как неудачные, могли уйти гораздо дальше, чем принято считать. И что их исчезновение было слишком... удобным.

Он искал закономерности там, где Альянс видел случайности. И теперь я лечу почти по его следам — не только как капитан новой миссии, но как человек, который должен понять, во что на самом деле ввязался ее отец и почему его смерть была так чисто и быстро задокументирована.

Воспоминания медленно рассеялись. Краски прошлого потускнели, будто их втянул вакуум. Стало снова тихо.

Я повернула голову. На панели у изголовья мерцали цифры: температура за бортом, давление, марсианское время — 07:33, земное — без четверти восемь. Показатели были ровные, дыхание станции — размеренное.

Все готово. Не к утру — к дню, который изменит все.

Тонкая полоска иллюминатора пересекала стену тусклым светом. За толстым стеклом — Марс. Красная пыль дрожала в свете прожекторов — будто у планеты есть сердце. Казалось, он слушает. Ждет.

Пятнадцать минут. И начнется то, ради чего мы готовились столько лет. Пятнадцать минут — и я взойду на борт. А дальше — пути обратно может не быть ни у кого.

Глава 3

*«Тот, кто знает путь, идет без света,
ибо свет ослепляет.
Тот, кто идет во тьме, видит дальше других.»*
— Дао Дэ Цзин, глава XXVI.

Парадная форма ждала в шкафу. Одеваюсь быстро, слой за слоем, без лишних мыслей. На лацканах рукавов — знак капитана, четыре звезды чистого серебра без эмали. Рукава ложатся по фигуре ровно, каждая складка будто вымерена. Перчатки из плотной черной кожи мягко поскрипывают на пальцах. Ремень туго охватывает талию; на нем, немного левее, подвешен кортик — капля рубина в белизне формы. Белая форма, черный ремень, золотая вязь. Форма не украшает, она дисциплинирует.

Застегиваю последний крючок на воротнике. Ткань натягивается, золотая вязь блеснула под светом панели. Теперь все на месте.

Сенсор улавливает движение — дверь открывается. Холодный свет коридора режет глаза. За стеной — глухие вибрации генераторов, запуск энергосетей. База просыпается. Переступаю порог, и тональность меняется. Здесь перед вылетом все кажется более сосредоточенным. Слышно, как внизу активируются турбины, в доках перекликаются голоса инженеров. Жизнь, собранная в металл.

Коридор тянется прямо, красные линии по полу ведут к шлюзам. Шаги отбивают ритм, знакомый до автоматизма. Иду быстрым шагом, воздух густой и сухой, пахнет фильтрами и нагретым металлом. Впереди одна из дверей открывается — и на пороге возникает генерал Рубанов. Он не идет, он будто ждал здесь. Я останавливаюсь.

— Генерал, доброе утро, — голос четкий, спокойный. Выпрямляюсь, подтягиваю воротник.

Он подходит ближе. В движениях нет спешки. Его глаза смотрят внимательно, чуть устало, но с тем теплом, которое не нуждается в словах. Рука касается ремня — он поправляет кортик, чтобы подвес лег ровнее. Проверяет взглядом застежку, кивает. Слегка, почти незаметно, похлопывает меня по плечу.

— Давай, Алиса, командуй. Тебя ждут на корабле.

Его голос низкий, глухой — напоминает вибрацию маршевого двигателя. В нем нет приказа, только доверие. Он знает, куда я иду, знает, что не вернусь такой же.

Я коротко киваю. Ни улыбки, ни слов. Просто шаг вперед — мимо него, к шлюзу. Шаги гулко звучат в коридоре. Его голос растворяется, тонет в шуме базы:

— Удачи, капитан.

Он знал моего отца. Наверное, видел во мне его шаг.

Коридор заканчивается шлюзом. Прикладываю ладонь к панели — сенсор считывает контакт, зеленая линия проходит вдоль стекла. Двери открываются и мир меняется.

Передо мной ангар. Огромный, как город. Сотни прожекторов заливают пространство холодным белым светом. Воздух дрожит от вибрации, запаха топлива и озона. Звуки — голоса, команды, удары инструментов, рев маршевых систем — сливаются в одно живое дыхание. В самом центре, на платформе, стоит он. «Рейгаль». Черный, с матовым переливом. Массивные маршевые двигатели подсвечены мягким голубым светом. Крылья-стабилизаторы сложены, как у хищника перед броском. По корпусу проходят тонкие световые трассы энергоконтуров. Он выглядит так, будто создан не только для полета — но для превосходства.

Иду по трапу. Под ботинками отзывается легкий резонанс — ровный такт работы систем, звук шагов глотает металл и воздух. Техники на постах поднимают взгляды: кто-то замирает

с инструментом в руке, кто-то едва заметно кивает. Не приветствие — признание. Они знают, куда я иду, и никто не спрашивает «зачем». Шлюз открывается беззвучно. Внутри — мягкий свет, полы из серого композита, воздух пахнет чистотой фильтров и свежей смазкой. Справа и слева — герметичные двери в отсеки. Прямо — мостик, сердце корабля.

Поднимаюсь по ступенькам, каждым шагом свет становится ярче — не ослепляюще, а как рассвет, который поднимается внутри самого корабля. Словно он узнает меня и просыпается.

За стеклянной перегородкой видны панели, мониторы, купол навигационного обзора. Тени офицеров движутся плавно.

— Капитан на мостике!

Голос звучит громко, и мгновенно все замирает. Шум приборов остается, но люди встали. Как единый организм.

Мой первый помощник, лейтенант Павел Корвин, стоял у центрального пульта. Высокий, худощавый, с короткими темными волосами и спокойным, аналитическим взглядом. На груди — эмблема службы пилотирования. Он кивнул, готовый к докладу, но в этот момент из-за навигационного терминала поднялась другая фигура.

Старший инженер-лейтенант Кузьмин. На его лице была не усталость, а собранная, почти болезненная концентрация человека, отдавшего машине все до последней секунды.

— Корабль готов, капитан, — его голос, обычно тихий, звучал сейчас четко, перекрывая легкий гул систем. — Последняя синхронизация завершена. Контуры чистые, ядра откалиброваны. «Рейгаль» ждет.

Он замолчал, перевел взгляд на Корвина и едва заметно кивнул. Тот ответил таким же коротким, профессиональным кивком. Передача состоялась. Техническая власть над кораблем перешла от инженера к первому помощнику.

Кузьмин снова посмотрел на меня, и в его глазах мелькнуло сожаление — не о работе, а о том, что его миссия здесь закончена.

— Больше мне здесь делать нечего.

Я кивнула, удерживаясь от формального «спасибо за службу». Он старался не для отчетов.

— Удачи на базе, лейтенант. Скажите генералу, что мы не подведем.

Он выпрямился, отдал честь — четко, по-армейски, — развернулся и зашагал к выходу. Звук его тяжелых ботинок постепенно растворился в гуле мостика.

Теперь я обратилась к Корвину.

— Хорошо, лейтенант. Подготовить все системы к запуску. Через десять минут — ваш отчет о готовности экипажа и оперативных контуров.

— Есть, капитан.

Кивнув, прохожу мимо и останавливаюсь перед обзорным куполом. За ним — гигантское пространство ангара, прожектора, платформы, движение людей. Все, что останется позади через несколько минут. На панели передо мной вспыхивает эмблема флота: три пересекающихся кольца — символ объединенных колоний.

Под ней бегут строки:

ПРОГРАММА «ГЕЛИОС»

МИССИЯ: «РУБЕЖ-9»

КОМАНДИР: КАПИТАН А. ВЕРЕСКОВСКАЯ

Ниже — список предыдущих экспедиций. «Рубеж-1» — потеря сигнала на орбите Нептуна. «Рубеж-2» — телеметрия оборвана через 47 часов. «Рубеж-3...8» — отчеты закрыты, доступ ограничен. После них осталась только тишина.

Смотрю на экран и говорю тихо, но четко:

— «Рейгаль», активация миссии «Рубеж-9».

Голос системы отвечает:

— Подтвержден допуск капитана. «Рубеж-9» активирован. Шлюзы ангара готовятся к разгерметизации. Просьба экипажу занять штатные места.

Звук сирены разносится по палубе, низкий, тяжелый. Мостик будто на мгновение замирает. Корвин подходит ближе.

— Все системы готовы, капитан. Док-контроль ждет подтверждения.

— Принято. Объявите предстартовую готовность.

Он кивает, говорит в интерком:

— Внимание, экипаж корабля «Рейгаль». Протокол «Рубеж-9». Всем занять позиции. Проверка шлюзов, закрепление. Отчет — по готовности.

По корпусу проходит вибрация, как будто корабль выдыхает. Снаружи — гул маршевых двигателей, легкий толчок под ногами. Молодой связист, стоящий у боковой консоли, оборачивается ко мне. Голос немного дрожит:

— Капитан, разрешите вопрос?

Поднимаю руку, останавливая взгляд Корвина. Поворачиваюсь к парню.

— Почему «девятый»?

— Потому что первые восемь летели без людей, — отвечаю. — А теперь летим мы.

Он кивает. Просто. Без слов. На лице — уважение и тень понимания, что история начинается здесь.

Касаюсь панели запуска. Под пальцами — легкая вибрация, будто сердце корабля бьется в ответ. На экране гаснет статус «подготовка», вспыхивает новый:

СИСТЕМА ЗАПУЩЕНА. РЕЙГАЛЬ ГОТОВ К ВЫХОДУ.

— Корвин, подтвердить доку готовность к старту.

— Есть, капитан.

Гул нарастает. Стены ангара дрожат. За обзорным стеклом прожекторы начинают гаснуть один за другим — верхние створки ангара раздвигаются, открывая звездное небо над Марсом. Корабль будто втягивает в себя весь свет. «Рейгаль» — черный, живой, готовый. В этот момент я впервые ощущаю, что тишина космоса уже зовет.

Спускаюсь с мостика по короткому трапу. Внизу, в центре командного отсека, — кресло пилота. Тяжелое, с обрамлением из матового металла.

— Всем занять свои места. Пристегнуться.

Щелкают замки ремней. По палубе пробегает тихий сигнал — подтверждение фиксации экипажа. Тишина становится плотной, как натянутый металл.

Из динамиков голос док-контроля:

— «Рейгаль», ангар очищен, зона взлета пустая. Маршевые ворота готовы. Разрешение на старт корабля.

Опускаюсь в кресло капитана. Оно мягко подстраивается под тело. Сбоку выдвигается джойстик — взлетный контур. Справа и чуть впереди, в кресле пилота, сидит Арина. Ее темная форма облегает фигуру, не оставляя лишнего зазора. Темные глаза, спокойные и сфокусированные на приборах, отражают бег световых индикаторов. Даже сейчас, когда под ногами уже чувствуется нарастающая вибрация двигателя, в ее прямой спине и собранных пальцах на штурвальной рукояти нет ни дрожи, ни намека на страх. Миниатюрная, почти хрупкая на вид, но выточенная из цельной стали.

Она замечает мой взгляд, чуть поворачивает голову.

— Все системы активны, капитан. Тяга стабилизирована.

— Арина, позвольте я подниму корабль.

Она кивает. Голос спокойный, ровный:

— Конечно, капитан. Ваш корабль.

Кладу руку на джойстик. Металл холодный, ладонь сразу нагревает его.левой рукой поднимаю регулятор мощности. На панели вспыхивают индикаторы: Тяга — 20%... 40%... 60%...

— Отпустить тормоза.

— Есть, капитан.

Щелчок. Корабль чуть наклоняется вперед. Вибрация поднимается по полу, через спинку кресла — к позвоночнику. Из глубины корпуса доносится низкий рев, превращающийся в ровное пульсирующее дыхание.

— «Рейгаль», — тихо говорю я. — Старт.

Корабль двигается. Медленно, тяжело, будто просыпаясь, потом быстрее, увереннее. Маршевые двигатели вспыхивают голубым пламенем, и внизу, за обзорным стеклом, бетон ангара вскипает, словно вода. Полоса заканчивается — тяну джойстик к себе. Мир взрывается звуком. Двигатели рычат, как зверь в узде. Корабль отрывается от поверхности, и мгновенно вся тяжесть падает на тело — резкий нажим, будто тысяча рук прижимает к креслу. Грудь сжимает, дыхание сбивается. Секунда — и вес пропадает. Тело становится легким. Свет прожекторов прорывается через клубы песка, и красная пыль вращается за стеклом, как жидкий огонь.

Подъем. Вибрация усиливается, звук превращается в низкий, тяжелый гул. С каждым метром давление спадает, песчаная буря под нами превращается в красное облако. Корабль прорывает последние слои атмосферы — вспышки света, как короткие удары молний, пробегают по стеклу. Тело снова бросает вперед, ремни врезаются в плечи, слышен треск обшивки. И потом — все внезапно стихает.

Тишина. Звук уходит. Секунда покоя — и передо мной открывается бездна. Марс остается внизу огненным пятном, дрожащим в свете двигателя. Над ним — серое, бесконечное небо, усеянное неподвижными звездами. Они не мигают. Они просто есть.

Держу руку на рукоятке еще секунду, потом медленно отпускаю. Вибрация уходит в корпус, и все внутри постепенно возвращается к равновесию. Ощущение — будто весь корабль дышит вместе со мной.

Поднимаю взгляд. Передо мной — широкая прозрачная плоскость, изогнутая, как купол. За ней — тьма, живая и глубокая. В отражении — весь пилотажный отсек. Корвин у навигационного пульта. У связиста горит окно канала с доком. Инженерный техник отслеживает параметры. И в центре — я. В белой форме с золотой вязью. Вся картина отражается в тьме за стеклом — огромной, как бездна, которая ждет нас первой.

Я будто покидаю свое тело и наблюдаю со стороны: вся команда в темной форме, капитан — в белоснежной, навигационные огни, черный корпус корабля. Поднимаюсь выше — бескрайний космос со звездами, а за ним — Марс, красный, будто пылающий огнем. Мы всего лишь точка в этой огромной, темной вселенной, движущаяся к неизвестности.

Но если бы человека когда-нибудь останавливала неизвестность, сейчас не было бы колоний. Не будь Марса, не было бы орбитальных баз у Юпитера — и человечество так и не приблизилось бы к пониманию Вселенной. В такой густой, неподвижной тишине не появился бы и тот самый голос — «Поехали», давший начало всему. И, возможно, это всего лишь маленький шаг для человека, еще одна отметка в череде многих. Но такие отметки и составляют дорогу к тем открытиям, которые меняют эпохи.

Мы не знаем, что находится за Рубежом. Но я знаю одно: этот путь не принадлежит одному человеку. Он — часть движения, которое мы делаем все вместе. И он важен для всего человечества.

Глава 4

*«Все имеет свое время, и всякой вещи под небом — свой час»
— Екклесиаст 3:1*

Тишина космоса — это не отсутствие звука. Это его равновесие. Каждая вибрация корпуса, каждый ритмичный гул систем, каждый мягкий выдох вентиляции складываются в музыку, которую можно услышать только, если перестать слушать. Через какое-то время начинаешь чувствовать, что корабль жив. Он не просто машина — он дышит, наблюдает, будто думает. И если прислушаться по-настоящему, можно уловить, как он спит.

Я открываю глаза, и все вокруг — мягкий полумрак. Панели приглушены, свет не раздражает глаза. За стеклом каюты — глубокая темнота, но где-то вдали пробегает узкий луч — отражение от одного из стабилизаторов. Я медленно поднимаюсь, привычно касаясь ногами пола. Гравитация выставлена на 0.9. В теле легкость, но не невесомость. Это правильное состояние — не забываешь, где низ, но все же чувствуешь, что находишься не дома.

Воздух сухой, с легким запахом металла и озона. Так пахнет безопасность. Если воздух пахнет металлом, значит, фильтры и система работают без нареканий, и корабль живет.

Зеленый индикатор на панели мигает ровно, подсвечивая линию статуса. Строки параметров под ним сменяются одна за другой: маршевые стабилизированы, реактор на 73%, корпус в норме. Это значит только одно — мы уже на орбите и движемся к Рубежу.

Я выхожу в коридор и сразу ощущаю привычную легкую вибрацию под ногами — мягкий отголосок работы фотонного реактора. Он расположен в центральном отсеке корабля, за герметичными шлюзами, где температура держится на верхней границе допустимой нормы из-за работы реактора. Его называют «миниатюрным солнцем». Внутри — искусственно созданная фотонная вспышка, сжатая в магнитном контуре. Это источник, способный вырабатывать энергию, сопоставимую с мегатоннами термоядерных реакций, но без разрушения материи. Если верить теоретикам, такая система безопасна. Безопасна — пока все работает.

Корпус реактора сделан из сплава, выдерживающего температуру, при которой плавится вольфрам. Системы охлаждения распределены по всему кольцу корпуса, а при критическом сбое реактор схлопывается внутрь себя — аннигилируя только собственную энергию. Во всяком случае, именно так описывают все те же теоретики работу.

Но я знаю, что если что-то пойдет не так, если магнитный контур разорвется, — мы создадим черную дыру размером с песчинку, но при этом она сможет уничтожить все, что встретит на своем пути. Эта мысль скользит по телу холодком, будто кто-то провел льдом по позвоночнику. Не страшно — просто остро чувствуешь масштаб.

Я двигаюсь дальше, по коридору к носовой части корабля. Здесь все устроено логично: центральный туннель — это позвоночник, по бокам от него — технические отсеки, а спереди — мостик, или, как его называют в отчетах: Главный командный модуль. Там все сосредоточено: пилоты, навигаторы, операторы систем, инженерный контроль и командная консоль капитана.

Когда шлюз открывается, воздух в рубке ощущается иначе. Он плотнее, чуть прохладнее — все из-за разницы температур между секторами. Передо мной пространство с высоким куполом, по центру — голографическая проекция систем корабля. Вдоль стен — рабочие консоли, панели, голографические дисплеи, выстроенные в строгом порядке.

Арина сидит в пилотском кресле справа, руки на пультах, глаза скользят по светящимся линиям навигации. Навигатор Корвин у своего поста, склонился над экраном, где вращаются орбиты планет и спутников. Слева — инженер Гурьев, проверяющий поток энергии с реактора. Все работают спокойно, размеренно, точно.

Я прохожу вперед, ощущая, как под ногами тихо отзывается металл, и останавливаюсь у центральной консоли. Передо мной — обзорное стекло, огромное, во всю носовую часть корабля. За ним — тьма. Холодная, чистая, немая. Марс уже далеко позади. Впереди — ничто. И это ничто кажется ближе, чем когда-либо прежде.

Импульсные магнитные двигатели работали почти беззвучно. Только легкая вибрация корпуса ощущалась под ногами, когда очередной импульс отталкивал корабль от пространства. Маршевые двигатели давно отключены, все, что сейчас держит нас в движении, — магнитно-импульсный поток, способный работать месяцами без остановки. В этом ритме есть что-то человеческое — сердце, которое бьется не ради жизни, а ради пути.

На мне черная форма летного состава — официальная, строгая, не парадная, как при старте. Высокий воротник был расшит золотой вязью, что отличало его от серебряных узоров на форме остального экипажа. На манжетах — четыре звезды капитана. Ткань плотная, с металлическим отливом, чуть холодит кожу. На поясе висит кортик, тяжелее, чем кажется, и пистолет в кобуре. Обе вещи давно стали продолжением тела.

— Капитан, — голос Арины звучит ровно, без эмоций. — Мы вышли на стабильную траекторию к орбите Юпитера. Через шестнадцать часов будем в зоне приема станции «Тифон».

Я перевожу взгляд на голограмму маршрута, зависшую над консолью. Белая линия тянется от Марса до огромного круга Юпитера, дальше — сеть тонких нитей к его спутникам.

— Что по заданию?

— Пополнить продовольствие, забрать двух научных сотрудников и вывести модули на орбитах Ганимеда и Каллисто, — спокойно отвечает Арина. — После этого курс — прямо на орбиту Плутона.

Я коротко киваю. Юпитер впереди — яркий, но пока почти невидимый. Он словно маяк, чье свечение еще не достигло нас, но уже чувствуется.

— Автоматический корректор включен?

— Да, капитан.

Свет в рубке немного тускнеет. Приборы остаются единственным источником мягкого сияния. Все сосредоточены: навигатор, инженер, пилоты. Каждый занят своим делом, и вместе они работают, как единый организм.

Я подхожу ближе к обзорному стеклу. В отражении вижу их всех: Арину с внимательным, спокойным лицом. Гурьева, который все еще проверяет энергетический баланс, будто сомневается даже в идеальной системе. Корвина, следящего за орбитами спутников. И между ними — я. Капитан корабля «Рейгаль». Командир миссии «Рубеж-9». Мы летим к границе Солнечной системы — туда, где кончается известное и начинается догадка. Впереди — Юпитер, первая остановка. За ним — тьма. И неизвестность, в которой, как ни странно, чувствуется не страх, а ожидание.

Гурьев сидит, уткнувшись в панели, глаза почти не мигают — свет экранов высекает на лице холодные блики. Он даже не замечает, как я подхожу.

— Как там реактор? — спрашиваю спокойно.

Он вскидывает голову, чуть растерянно, будто выныривая из мыслей.

— Все стабильно, капитан, — отвечает быстро. — Мощность держится в пределах нормы, выбросы в ноль. Мы вышли на оптимальную частоту импульсов фотонного резонанса.

— Это хорошо.

Но он не останавливается.

— Видите ли, — продолжает он, — здесь стоит не просто фотонный реактор, а новая модификация с двойным контуром отражения. Обычно мы теряем часть энергии при каждом импульсе, а здесь используется обратный световой срез, который возвращает рассеянные фотоны обратно в контур. Это дает прирост мощности примерно на двадцать четыре процента

без увеличения нагрузки. Если бы такие системы внедрили на остальных кораблях, мы могли бы дойти до края Системы за несколько недель.

Он запнулся, его пальцы замерли над графиком. «Хотя... есть один нюанс. В логах за последние сутки был микроскачок в контуре стабилизации. Ничего критичного, в пределах шума. Но профиль импульса... странный. Почти как эхо. Я запросил данные с „Тифона“ для сравнения — у них такая же модель. Жду ответа.»

Он говорит быстро, увлеченно, пальцы снова бегают по панели, выводя графики и схемы. Я смотрю на его лицо — в глазах азарт, почти детская радость. Это та редкая категория людей, которые способны влюбиться в металл, в энергию, в уравнение. В какой-то момент я все же отворачиваюсь. Не из равнодушия — просто я не из тех, кто ищет смысл в формулах. Мне достаточно знать, что все работает. И что он делает свою работу лучше всех. Я даю ему закончить, киваю.

— Хорошо, Гурьев. Работайте дальше.

— Есть, капитан.

Он снова утыкается в панель, не замечая, что я уже отошла. И это даже успокаивает. Когда такие, как он, увлечены своим делом — корабль живет.

Арина подняла глаза от приборов.

— Капитан, мы в зоне связи с орбитальной базой «Тифон». Они уже видят нас на лока-торе.

— Принять.

На голограмме передо мной вспыхнул Юпитер. Планета занимала почти весь купол рубки — словно пылающее чудовище из газа и молний. На ее фоне крошечная точка орбитальной станции выглядела хрупко, почти нелепо — и оттого еще более живой.

— Связь с базой установлена, — сказала Арина, приглушая шум. — Голосовой канал открыт.

На экране вспыхнуло изображение — мужчина в темной форме, с американскими знаками отличия на воротнике. Голос у него был низкий, уверенный, но с едва заметной усталостью, как у человека, который слишком долго живет в замкнутом пространстве.

— Рейгаль, говорит командер Джон Меррик, станция Тифон. Ваш вызов принят, но у нас есть техническая проблема. Наши стыковочные системы пока не синхронизированы с российскими модулями. Мы недавно ввели новую операционную сеть, и, похоже, кто-то из наших инженеров снова забыл установить совместимые протоколы.

Он чуть усмехнулся. Улыбка была доброжелательной, но в ней чувствовалось легкое превосходство. «Наверное, слишком увлеклись калибровкой нового оборудования для дальнего мониторинга.» Он сделал паузу, будто взвешивая слова. «Кстати, капитан, по нашим данным, ваш „Рейгаль“ выдал интересный энергетический профиль на подлете. Не планировали ли вы... тестовые включения экспериментальных систем?»

— То есть стыковка невозможна? — уточнила я, пропуская его вопрос мимо ушей.

— Системная, да. У нас есть грузовая платформа на внешнем контуре, — ответил Меррик. — Она в открытом пространстве. Мы можем включить магнитные подушки — ваш корабль зафиксируется на них, но высадка экипажа и передача груза возможна только вручную. Придется использовать скафандры.

Арина повернулась ко мне.

— Капитан, это займет время.

Я кивнула.

— Сколько у нас до полной орбиты?

— Двенадцать минут до выравнивания, — ответила она.

Я снова посмотрела на экран.

— Тифон, у нас на борту нет истребителей, только челнок малой дальности, предназначенный для научных высадок на поверхность. Мы слабо вооруженное судно. Это исследовательская миссия.

— Понимаю, капитан, — сказал Меррик. — Ваша траектория чиста. Мы активируем внешние магниты через три минуты. После стабилизации сможете начать переход. Мы пришлем вам координаты шлюза.

— Принято, Тифон.

Я на секунду задержала взгляд на его лице. — И, Меррик... держите своих инженеров в тонусе.

Он усмехнулся, коротко кивнул и исчез с экрана. Связь оборвалась.

— Ну что, — сказала Арина, — похоже, американцы снова спешили закончить раньше, чем проверили систему.

— Главное, что у них есть платформа, — ответила я, подходя к центральному пульту. — Готовьте скафандры, проверку шлюзов и стыковочные тросы. Работать будем вручную.

— Есть, капитан.

Перед тем как отдать приказ десантникам, я кивнула Корвину.

— Первый помощник, проконтролируйте готовность медблока и проверку скафандров. И присмотрите за Гурьевым — он ушел с головой в данные, может пропустить что-то по своему посту.

— Вас понял, капитан, — Корвин тут же поднял связь, его голос стал ровным и деловым. — Гурьев, доложите статус систем жизнеобеспечения перед выходом. И, кстати, «Тифон» только что подтвердил получение вашего запроса. Ожидаете чего-то конкретного?

Гурьев, стоящий у панели энергораспределения, хмыкнул.

— В открытом космосе, на магнитах. Как в былые времена.

Я посмотрела на него.

— Как в те времена, когда мы еще не знали, что делаем, — сказала я спокойно. — А теперь хотя бы понимаем, на какой риск идем.

Арина уже вводила координаты, отслеживая вращение станции. За обзорным стеклом медленно проплывала тень Юпитера — гигантское тело, которое казалось неподвижным, но двигалось со скоростью, превышающей все, что создано человеком. На фоне этой планеты даже «Рейгаль» выглядел песчинкой.

Я села в свое кресло и оперлась на руку. Мы шли ровно, без рывков, с легкой вибрацией корпуса — корабль подстраивался под орбитальную траекторию станции. Внутри все было спокойно. Я слушала гул систем, размеренное дыхание двигателей, и на секунду позволила себе отключиться. Мы летели долго. Так долго, что мысли начали перетекать в воспоминания. Я не думала ни о миссии, ни о приказах — просто смотрела, как за стеклом медленно вращается бескрайняя полоса облаков Юпитера. Это зрелище завораживало. Казалось, будто смотришь на живой океан, бесконечно огромный, и в то же время чувствуешь, как он дышит вместе с тобой. И в какой-то момент я осознала — время перестало существовать.

Перед глазами, поверх облачных поясов Юпитера, на секунду спроецировался старый, знакомый образ — схематичная карта из архива отца. Тонкая линия, уходящая за орбиту Нептуна, с пометкой «Граница-1». И сейчас мы идем почти по тому же коридору. Совпадение? Или «Тифон», эта новая, блестящая станция, знает о тех старых миссиях больше, чем говорит?

Резкий треск связи выдернул из мыслей.

— Рейгаль, говорит станция Тифон. Мы готовы принять вас на внешнюю платформу погрузки. Координаты высланы. Подтвердите фиксацию.

Я выпрямилась, взгляд сразу стал собранным.

— Тифон, подтверждаю. Корабль готов к фиксации. Начинаем подлет.

Арина отозвалась коротко:

— Есть, капитан. Синхронизация траектории — через тридцать секунд.

Я взглянула на голограмму курса. Станция уже виднелась в переднем радарном круге — небольшая, блестящая, с характерными острыми краями американской конструкции. Вокруг нее вращались десятки спутников, похожих на насекомых, сверкающих солнечными панелями.

— Магнитная фиксация через двадцать секунд, — произнесла Арина.

— Экипажу приготовиться к стабилизации, — сказала я, не повышая голоса.

Мы уже подходили. Через обзорное стекло стало видно, как станция медленно поворачивается, подставляя нам внешнюю платформу. Металлические фермы отражали свет Юпитера, и казалось, что она горит изнутри. На корпусе мерцал флаг — белые полосы и пятна света от прожекторов. Молодая, мощная конструкция — новая эра. Но на фоне Юпитера даже она казалась игрушечной. Эта планета всегда внушала странное чувство — смесь трепета и смирения. Перед глазами вращались ее облачные пояса, белые штормы разрывали атмосферу, а на периферии голографического дисплея медленно шел отсчет синхронизации орбиты.

— Осталось семь минут до выравнивания, — сказала Арина, не поднимая глаз от пульта.

— Принято. Готовь шлюз. Работать будем вручную, — ответила я.

Я повернулась к Корвину.

— Вы за старшего, первый помощник. Обеспечьте связь и прием груза, а также вызовите на мостик десантников — их грубая сила нам не помешает. Ах да, подготовьте боевые скафандры.

Он поднял взгляд, слегка удивленный.

— Не исследовательские?

— Нет. Там открытый контур, без поручней. Нам нужно будет пройти по внешней ферме.

В отсеке для экипировки уже светились панели активации. Исследовательские скафандры — белые, гладкие, с тонкими гибкими суставами — стояли слева. Но взгляд сразу цеплялся за правый ряд: боевые, тяжелые, матово-черные, с золотыми вставками на плечах и коленях. На каждой бронепластине были выбиты символы подразделений и знаки рангов — сержантские полосы, офицерские звезды. Ни имен, ни позывных — только функции.

Десантники выстроились у стены. Их командир — старший сержант Зорин с широкой шеей и короткой стрижкой, лицо грубое, испещренное шрамами, в позе вся его выправка была рассчитана на скорость и решительность. Рядом — два младших сержанта: один худощавый и быстрый, с глазами, которые постоянно что-то высчитывали, другой — коренастый, с широкими плечами, большими кистями рук, будто созданными для тяжелой работы и быстрых решений.

Я подошла ближе. Старший сержант выпрямился и отдал короткий, четкий салют.

— Командир, — сказала я спокойно, — берите одного с собой, одного оставляйте на охрану корабля.

Он кивнул.

— Есть, капитан.

Развернулся к своим.

— Старший сержант Зорин, — отчеканил он, будто представляя себя заново, и затем коротко бросил: — Михайлов — со мной. Сергеев — остаетесь на охране.

— Есть, — ответили оба почти хором.

Я видела, как они обменялись быстрым взглядом — коротким, но достаточным, чтобы все понять без слов. Михайлов поправил защелку шлема, включил магниты на подошвах. Сергеев остался у стены, чуть развернувшись к шлюзу — уже в режиме ожидания приказов.

— Капитан, какое оружие брать? — уточнил Зорин, чуть повернув голову в мою сторону.

— Вряд ли оно нам понадобится, — ответила я, — но перестраховка никогда не мешает. Возьмите плазменные полуавтоматические.

Он кивнул вновь — коротко, как принято у тех, кто не обсуждает приказы, и двинулся к отсеку вооружения. Младшие сержанты начали проверять снаряжение: крепления, магазины и индикаторы. В воздухе повисла рабочая тишина — она всегда лучше слов.

Мой костюм отличался: тот же класс брони, но черный с белыми акцентами на воротнике и по линии груди. Золотая вязь на манжетах напоминала, что даже в бою капитан остается офицером, а не простым солдатом. Крепления под кортик встроены в левый поясной модуль, справа — усиленная кобура под пистолет. Я подняла оружие, проверила заряд — сталь холодная, гладкая. Пистолет ранней модели: полированный металл, вольфрамовая инкрустация у рукояти. Плазменный, точный, медленный: прежде чем выстрелить, требуется доля секунды на нагрев контура. Но каждый выстрел — как выдох. Безошибочный.

— Проверка связи, — сказала я.

— Канал чист, — ответил Корвин. — «Тифон» ждет сигнала о выходе.

Я кивнула.

— Арин, остаешься у пульта. Держи корабль под контролем.

— Есть, капитан, — ответила она, не отвлекаясь от экранов.

Я повернулась к шлюзу.

— Зорин, Михайлов — со мной.

Они шагнули вперед, и пол под ногами отозвался металлическим эхом.

Панель шлюза мигнула зеленым. Давление выравнивается. Воздух тонко гудит в ушах. Я чувствую, как в груди растет странное спокойствие — не тишина, а готовность. Корвин наблюдает из-за стекла. Он кивнул — коротко, четко. И я знала, что все идет по плану.

— Капитан, «Тифон» запрашивает подтверждение выхода.

— Подтверждаю, — сказала я, — шлюз открыть.

Створки разошлись, и впереди раскинулась тьма, разорванная бликами Юпитера. В вакууме корабль выглядел живым существом — мерцающие панели, мягкий отсвет на броне. Я шагнула первой и почти сразу потеряла опору. Тело мягко сорвалось вперед, скользнуло в пустоту, и через пару секунд я ударилась о корпус — с пустым, но приглушенным звуком. Магниты на подошвах сработали мгновенно: с тихим щелчком они прижали меня к металлу. Под ладонями холодная броня вибрировала. За мной приземлились два темных силуэта, четко и слаженно. Где-то глубоко, на частоте биения сердца «Рейгаля», звучал ровный стук — не пульс, а отблеск стального ритма, общего для всех, кто здесь живет и дышит.

Глава 5

«Голос Того, кто скрыт, не слышен в шуме; только в тишине Он открывается ищущему.»

— Катха-упанишада

Мы двигались по корпусу уже больше минуты. Шаг — щелчок магнитов, шаг — вибрация металла под ногами. Отчетливо ощущалось, как каждая пластина обшивки отдает легким гулом — «Рейгаль» будто откликался на наше присутствие.

Вокруг — пустота. Ни звука, ни движения, только редкие отблески света, которые то вспыхивали, то гасли, отражаясь от поверхности брони. Грузовая секция станции впереди казалась неподвижной громадой, но я знала: она вращается, и нам нужно рассчитать шаги так, чтобы не попасть под разницу в скорости.

Она проектировалась для автоматических погрузчиков, не для людей. Ее грузовые шлюзы огромны, но люки для перехода экипажа — крошечные, спрятанные в технических нишах. До ближайшего люка метров триста. Мы двигались вдоль фермы, цепляясь за стыки панелей, осторожно, без рывков — в вакууме любое неверное движение может обернуться проблемой.

Воздух внутри шлема сухой, чуть отдает озоном, как и всегда. Система фильтрации ровно шипит где-то в затылке. На стекле шлема бегут светящиеся показатели — давление, уровень кислорода, температура поверхности. Все стабильно.

Я сжала ладонь, вызвала интерфейс часов на руке — визуализатор. Экран вспыхнул и начал передавать тактическую сетку корпуса: линии маршрута, мигающая отметка шлюза, показатели нагрузки на скафандр. Под ногами плавно дрожала поверхность — это «Рейгаль» корректировал положение.

Я обернулась — позади, метрах в десяти, двигались два десантника. Вакуум делал их фигуры нереальными, будто тени в зеркале. От шлемов шли голубые отблески фонарей, отражаясь в металле. Я подняла взгляд — и застыла глядя на Юпитер.

Так близко, что казалось — стоит только потянуть руку, и дотронешься до его облаков. Все пространство передо мной было заполнено этим живым, бурлящим телом. Огромные вихри, молнии в глубинах атмосферы, вспышки шторма в поясе Великого Красного Пятна — и все это молча, беззвучно, будто на краю сна. Отсюда, из этой тьмы, Юпитер выглядел не планетой, а божеством, спящим в собственной буре.

Я сделала шаг и услышала... не звук — колебание. Что-то легкое, будто электрический импульс в кости. Сначала подумала, что это внутренний датчик связи. Потом сигнал повторился — короткий, с шипением, как статическое электричество.

На визоре появилось уведомление: входящий сигнал. Я моргнула — отклик не проходит. Открыла визуализатор на руке. Экран замерцал, изображение пошло рябью. Мелькнула картинка — словно кто-то что-то говорил, искаженные контуры, силуэт в белом, голоса, утонувшие в шуме. Фразы невозможно разобрать — одни фрагменты, словно память устройства застряла между кадрами. «...переход... координаты...» — и снова шипение.

— Зорин, — сказала я в микрофон, — у вас чистый канал?

— Чисто, капитан.

— На визуализаторе — сторонний сигнал. Проверить источник.

Ответа не последовало. Лишь едва уловимое потрескивание в эфире. Я остановилась. Где-то на периферии зрения промелькнула слабая вспышка — короткая, как отражение. Но передо мной никого не было. Только Юпитер.

Он светился изнутри.

Я моргнула, решив, что это просто отражение. Но вспышка повторилась — чуть дальше, на линии тени Юпитера. Я замерла, стараясь не дышать. Вакуум не передает звуков, но внутри шлема эхом отозвался собственный пульс.

— Зорин, доклад по позиции, — тихо сказала я, хотя понимала, что голос все равно пойдет по каналу.

— Двигаемся по маршруту, капитан. До точки — сто восемьдесят метров, сигнал стабилен, — отозвался сержант.

— Принято.

Я снова посмотрела на визуализатор. Сигнала больше не было. Только искаженная карта корпуса, полосы радиопомех и мигающая иконка связи. Но стоило сделать шаг — и помехи вспыхнули вновь, как будто что-то откликалось именно на движение.

— Корвин, вы видите шум на основном канале?

— Нет, капитан, канал чист. Возможно, локальное отражение.

— Локальное отражение в вакууме? — я усмехнулась, но сама почувствовала, как кожа под шлемом покрылась мурашками.

Я сделала еще один шаг. Магниты под ботинками сработали мягко, и в тот же миг визуализатор выдал резкий скачок сигнала. На секунду экран залило белым. Когда помехи рассеялись, на нем оставались только три цифры — 9:07:41. Никаких координат, никаких обозначений. Просто время.

И это время не совпадало ни с бортовым, ни с земным, ни с марсианским.

— Корвин, сверка по хронометру: что у нас на борту?

— Тринадцать сорок две, капитан. Почему вы спрашиваете?

— Так, — сказала я тихо. — Просто проверяю.

Я взглянула на Юпитер. Теперь он уже не казался спокойным. В глубине облачных поясов мелькали вспышки — как будто в его недрах кто-то зажигал огромные фонари. Один мигнул — другой ответил ему из противоположного края планеты. Слишком ровно, слишком ритмично для случайных гроз.

В этот момент в наушниках прозвучал короткий шорох — будто кто-то выдохнул прямо в микрофон. А потом едва различимый голос: «Слышите?..»

Я резко обернулась — но позади все было также: два десантника двигались по корпусу, ровно, синхронно, их фонари отсвечивали в металле. Ни один из них ничего не говорил. Я проверила частоту. Канал — чистый.

«Слышите... нас?» — голос повторился, чуть яснее, но уже будто изнутри шлема, прямо в голове. Я сжала зубы, ощутила привкус металла и медленно произнесла:

— Здесь капитан Вересковская. Назовите себя. Кто на связи?

Ответа не последовало. Только длинное, протяжное шипение.

Я снова посмотрела на Юпитер. И в тот миг боковым зрением заметила — как тень скользнула по корпусу станции. Сначала показалось, что это просто отблеск. Но когда повернула голову — по диагонали, над нами, пронесся истребитель.

— Что за... — не успела договорить.

Две плазменные торпеды вырвались из его подбрюшья — белые, как вспышка сверхновой, — и через секунду ударили в пустоту, метрах в четырехста от нас. Взрыв не был слышен — но вакуум передал вибрацию через металл. Панели под ногами дрогнули, и меня оторвало от корпуса. Тело рванулось вверх, и все встало на мгновение в невесомости.

Я успела только ударить ладонью по аварийной панели на предплечье — щелк! — магнитная система включилась, левый ботинок прижался к металлу, но правая нога все еще болталась в пустоте. Система жизнеобеспечения выдала предупреждение: ударная волна, вектор нестабилен.

Еще один взрыв — прямо между нами. Металлический лист фермы разошелся, как ткань. Одного из десантников — того, что шел левее, — просто сорвало потоком. Он исчез, отлетев в темноту, даже не успев крикнуть.

— Михайлов! — выкрикнула я, но в эфире — одно шипение.

Второй десантник — Зорин — уперся коленями в корпус, одной рукой удерживая магнит, другой пытался нащупать обломок фермы. Его броня сверкала вспышками огня, а отражения Юпитера мелькали на шлеме.

Я прижалась сильнее, стабилизируя дыхание, включила канал связи:

— Корвин! Связь с мостиком! Немедленно взлетайте!

— Капитан, — раздался голос Арины, искаженный шумом, — как же вы?..

— Приказы не обсуждаются! Взлетайте, немедленно!

— Но...

— Арина, это приказ!

Секунда тишины — и я увидела, как на дальнем фоне корпус «Рейгаль» вспыхнул маневровыми огнями. Маршевые двигатели дрогнули, и гигантский силуэт корабля начал подниматься. Он уходил вверх, как будто медленно растворяясь в мраке.

Я все еще чувствовала, как металл подо мной дрожит. Вибрация не прекращалась — и это уже не был отклик взрыва. Что-то происходило внутри станции. Тихое, но осязаемое гудение, будто там, под панелями, кто-то дышал.

Но дальше — я увидела, как к «Рейгалю» приближаются два истребителя.

— Корвин! Щиты на максимум и немедленно маневр уклонения! — выкрикнула я, едва успев включить зашифрованный канал.

— Принято, капитан.

— Уходите вниз, к планете. На поверхности есть база «Аскалон», держите курс туда. Им не пробить наши щиты, но если их больше — не рискуйте.

Через пару секунд пространство передо мной вспыхнуло — «Рейгаль» ударили первыми. Щиты засверкали, как водная гладь, по которой бросили раскаленный металл. Один залп, второй... Я видела, как плазма ложится по обшивке, отбивается радужным свечением. Эти поля выдержат одиночные удары, но если начнут работать залпом — даже такой корабль не устоит.

И вдруг — со стороны, где только что был Рейгаль, вылетел еще один истребитель. Яркая дуга плазмы прошла почти рядом с нами, полоснув по корпусу станции. Он поливал огнем, будто проверяя, жив кто-то или нет.

— Бежим! — крикнула я, включая магнитное сцепление на легкий контакт. Металл под подошвами отзывался сухими шелчками.

Мы с Зориным бежали, пригибаясь, как будто это имело хоть какое-то значение в невесомости. Корпус станции уходил вниз, узкий и исполосованный стыками. Впереди — обрыв. Я резко затормозила, прикинула дистанцию — метров тридцать до нижнего сегмента.

— Прыгай! — сказала я и первой оттолкнулась.

Секунда полета — и мягкий удар. Амортизаторы в скафандре приняли вес, ботинки зафиксировались на металле. Зорин приземлился рядом, тяжело дыша в микрофон.

— Капитан... на радаре — движение, — сказал он. — На станции есть еще истребители.

— Были, — ответила я, потому что в ту же секунду из ангара станции вырвался столб огня. Станцию тряхнуло, по корпусу прошла ударная волна. Мы едва удержались.

А потом я заметила — на стыке двух отсеков горит красная надпись: EVACUATION ACCESS.

— Туда! — приказала я.

Мы подбежали, сдернули защитный кожух. Под ним — массивный механический рубильник. Я рванула его вниз. Люк отреагировал со скрипом, затем поддался, и яркий свет ударил в глаза.

— Быстрее! — я подтолкнула Зорина. Он втиснулся первым, я следом. Как только мы оказались внутри, люк захлопнулся с тяжелым металлическим звуком.

Мы стояли в узком коридоре, воздух был плотный. Впереди — очередная дверь. На ней тускло мигала табличка: Storage Unit 07.

— Складское помещение, — пробормотал Зорин.

— Лучше склад, чем космос, — ответила я и сняла блокировку шлема.

Впервые за последние минуты я вдохнула настоящий воздух. Теплый, тяжелый... и пропахший гарью. На секунду мне показалось, что я снова на Марсе — тот же металлический привкус в воздухе, тот же гул под ногами.

Мы с Зориным стояли в полутемном коридоре. Лампы мигали тускло-красным, изредка вспыхивая до белого, словно не могли определиться, день сейчас или конец света. На стенах — разорванные кабели, следы копоты, обугленные панели. Станция жила — но как будто на пределе сил.

— Давление стабилизируется, — тихо сказал Зорин, глядя на визуализатор в наручном дисплее.

— Стабилизируется, — повторила я. — Только вот для кого.

Мы двинулись дальше. Пол был усеян осколками пластика, стекла, какими-то личными вещами — обломки масок, ремни, изогнутые каски. Людей не было. Ни тел, ни крови. Будто станцию просто вычистили.

И вдруг коридор вспыхнул тревожным светом — мониторы, до этого мертвые, ожили сразу. Один за другим они включались вдоль стены, выводя одинаковую надпись:

WARNING — DEPRESSURIZATION THREAT. ALL PERSONNEL FOLLOW ALPHA-3 PROTOCOL.

— Смотрите, — сказал Зорин. — Система безопасности активна.

— Или кто-то ее перезапустил.

Гул стал сильнее. Где-то сверху, на втором уровне, пронесся короткий металлический скрежет — будто кто-то тянул по полу контейнер. Я подняла руку, показывая жест «Стоп». Мы замерли.

Тишина. Только редкое мигание света и слабый треск в динамике шлема. Потом короткий импульс — как сигнал. Шипение, обрывки фраз, человеческий голос, но искаженный, словно через десятки фильтров: «...alpha three... sector B... manual override...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.